

УДК 159.922.4(945.33)(045)

Ю.В. Семёнов

УТРАТА САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПРИЧИНА СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА (на примере удмуртского этноса)

Рассматриваются сакральное пространство удмуртского этноса, его утрата как причина социального стресса.

Ключевые слова: сакральное пространство, стресс, язычество.

Для любого исследователя религий одним из важнейших аспектов изучения этого сложнейшего феномена является его влияние на психологию людей. На психическое состояние верующих, и прежде всего сторонников язычества, прямое влияние оказывает окружающая их природа, которая во всех языческих религиях воспринимается как нечто целое, живое, одухотворённое, так называемое сакральное пространство.

Система верований удмуртов, как и проживающих рядом с ними марийцев, мордвы и бесермян, в конечном счете определилась исторической принадлежностью к культурно-историческому типу, в котором решающую роль играли земледельческие культы с сильным влиянием охотничьей магии.

Освоенное сакральное пространство язычников включало «обжитые» этнической мифологией леса и охотничьи уголья, болота, поля, овраги и т.д. Они были заселены сотнями существ – леших, водяных и т.д. За столетия совместного проживания эти виртуальные существа стали «своими». Были изучены места обитания и привычки большинства из них. Общение с ними через жертвы, заговоры, молитвы было отработано, сложилась методика задабривания и даже сотрудничества. «Свои» помогали сохранить урожай, уберечься от болезней, найти дорогу через болото. Охота и рыбная ловля в местах обитания «своих» была более безопасной и удачливой, чем в местах незнакомых, где жили «чужие» лешие. Более того, в случае военных действий «свои» при правильном к ним обращении могли помочь, направив врагов в чащу леса или непроходимые болота. Уверенность в их силе в ареале племенного сакрального пространства была доказанным фактом, подкреплённым опытом поколений. Люди не следовали определенным обычаям, не наполнив их смыслом. Они были важны как неотъемлемая часть жизни, как коллективное действие. Однако установленные, исполняемые однообразно веками обряды имели достаточно расплывчатое объяснение. Один и тот же ритуал мог объясняться различными людьми по-разному, не вызывая подозрений в ереси.

Для мировых религий – христианства, буддизма и ислама – сакральное пространство не играет ведущей роли, так как оно – Вселенная, управляемая Высшим существом, а основной объект обитания Высшего священного существа – храм. Но для придания храму сакрального статуса в мировых религиях требуется освящение, то есть придание объекту функций трансцендентного. Однако и для мировых религий пространство, окружающее храм, имеет большое значение, так как вне храмов происходят крестные ходы, моления,

ведётся миссионерская деятельность, оно оглашается звоном колоколов и т.д. Более того, место для храма всегда выбирается очень тщательно, так как он, как правило, архитектурно доминирует над местностью или, во всяком случае, является знаковым объектом. В то же время определённые локальные «точки сакрализации» помимо собственно храмов существуют и в мировых религиях, например древние города Мекка и Иерусалим.

В этноконфессиональной картине мира язычников именно окружающая природа – озёра, реки, горы, деревья и т.д. – играла ведущую роль в силу традиции. Основываясь на таком подходе к феномену язычества, религию удмуртов следует понимать как наиболее древнюю, собственно удмуртскую, без инородных христианских или мусульманских включений. Язычество удмуртов характеризовалось структурированностью, развитостью, восприимчивостью. Об этом свидетельствует многочисленный пантеон, разработанность ритуалов, символики, значительный, обладающий влиянием корпус жрецов и гадателей.

У нас мало материалов, которые дали бы возможность воссоздать всю историю удмуртского язычества. Но тщательное изучение и сравнительный анализ различных источников позволяют дать достаточно полную картину роли религии в материальной и духовной жизни народа, эволюцию веры и культа вплоть до последнего времени.

Современному исследователю привычно смотреть на религию, скорее, с точки зрения веры, религиозного учения, чем религиозной практики. Но язычество удмуртов развернутого вероучения как такового не имело и состояло из институтов и обрядов. Их религия представляла собой комплекс древних воззрений, верований и культов, отражавших в той или иной форме зависимость людей от окружающих природных условий. Удмуртское язычество носило как бы «прикладной» характер, служило одновременно и формой закрепления и воспроизводства многовекового хозяйственного опыта, конкретных практических знаний и умений, и в то же время средством духовного укрепления единства семьи, рода и племени. Традиционная религия передавалась от отца к сыну и таким образом за длительный период неизбежно становилась фактором этническим.

В язычестве место догматики занимала мифология. Священные знания как жрецов, так и простых людей не сводились только к каноническим правилам исполнения религиозных обрядов, а принимали форму рассказов о богах, предках и героях. Рассказы, в свою очередь, предполагали достаточно однообразное толкование религиозных заповедей и предписаний обрядов. Мифы и предания были связаны с конкретными святилищами и предметами, а религиозные церемонии были лишь частью культовой практики. Вера в определенную совокупность мифов не была обязательной. Обязательным было точное исполнение определенных священнодействий, предписанных религиозной традицией. В конечном счете многолетняя обрядовая практика складывала стереотип поведения и формировала в психологии язычника некий локализованный в рамках освоенного сакрального пространства этноконфессиональный симбиоз, что вместе с родным языком являлось основой духовного единства этнической общности.

Для удмуртского языческого пантеона характерно большое количество божеств – до 40. Структура пантеона была достаточно развитой, его обитате-

ли имели системную «ранжировку» как по отношению друг к другу, так и в части раздела «сфер влияния». Подобная теогоническая структура была и у других восточных финнов.

Низшими духами, домашними божествами были домовые, банные, овинные и т.д. Вместе с появлением значительных различий в социальной структуре удмуртского общества возникли и развились столь же актуальные различия и в иерархии пантеона. Банники, овинники, домовые превращались в «кузё» – хозяина дома, овина, дома, хлева. Обширная группа духов удмуртов ассоциировалась с различными болезнями. Их обилие и подробная разработанность в религиозно-мифологическом плане подтверждают постоянную актуальность этой темы в сложной и многотрудной жизни удмуртов. Опора на незримую, но существенную поддержку обитателей освоенного сакрального пространства являлась важнейшей составной частью духовной жизни языческого сообщества, обеспечивала определённый психологический комфорт, и лишение языческого социума этой духовной опоры неизбежно приводило к сильнейшему духовному кризису, к социальному стрессу.

В качестве примера подобного стресса может служить мощный и длительный по времени стресс удмуртских и марийских племён, вызванный боевыми действиями во время войны Московского государства с Казанским ханством. В результате разгрома последнего в 1552 г. массы южных удмуртов и марийцев вынуждены были, спасаясь от карательных отрядов, бежать на северо-восток, оставляя давно обжитые места. Во время боевых действий и бегства беглецы понесли колоссальные потери, о чём пишут историки. В частности, у Н.М. Карамзина встречаем строки: «Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали» [1. С. 249]. С.М. Соловьёв сообщает о карательной экспедиции боярина Петра Морозова весной 1556 г.: «Морозов воевал десять дней, опустошил все Арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество...» [2. С. 89]. В июне вместе с воеводой Салтыковым он совершил ещё один поход, во время которого «...ратники ... брали в плен одних только женщин и детей, мужчин всех побивали» (Там же. С.90). Жесточайшие даже для средневековья меры по усмирению привели к практически полному истреблению мужчин. Именно с этого времени в этнической психологии удмуртов сложился комплекс побеждённого народа.

Насильственное лишение народа священных мест, несомненно, стало одним из важнейших факторов, ослабивших его дух. Спасаясь, беглецы не могли не оставить близкое их духу сакральное пространство, не могли пригласить с собой на новые (и неизвестно ещё какие) места духов, которые испокон веков влияли на их жизнь. На новом месте эти существа необходимо было найти, завоевать их доверие, и только после этого можно безопасно корчевать лес, ставить избы, пахать землю, ходить на охоту. Необходимо было найти горы, рощи и деревья, которые должны были стать священными. Для этого требовались время и специальные знания.

Утрата малочисленным народом большого количества мужчин, несомненно, подорвала этнический и биологический потенциал удмуртского народа. Как правило, жрецами избирались представители знатных семейств, имевших авторитет и религиозный опыт в нескольких поколениях. Уничтожение мужчин, традиционно руководивших проведением языческих молений, с неиз-

бежностью вызвало деформации в устоявшемся за века порядке проведения религиозных обрядов. Несоблюдение установленных ритуалов резко снижало ожидаемый позитивный психологический эффект обряда. Невозможность проведения на новых, ещё необжитых местах столь необходимых для поднятия духа коллективных молений, острая нехватка мужчин – жрецов, знающих не только общеизвестные обряды, но и тайную практику и древние заклинания, не позволяли в полной мере использовать сакральный ресурс пространства, подлежащего освоению, не давали возможности реализовать одну из важнейших функций религии – утешение, вызывали разрыв духовных традиций и, как следствие, мощный и длительный духовный стресс. Был сломлен этнический духовный потенциал. Можно предположить, что значительный массив мифологии, устных преданий и практических знаний был утрачен.

Отчасти в силу этих причин во время тяжелейших испытаний языческая религия удмуртов как духовный феномен не смогла сыграть одну из имманентно присущих любой религии ролей, а именно «...временно снимать отрицательные переживания, смягчать или предотвращать внутренние психологические конфликты, даже лечить неврозы» [3. С.238]. Языческие боги оказались бессильны противостоять русскому Богу, пушкам и саблям завоевателей.

Естественно, что формирование нового сакрального пространства и священных мест носителями новой веры сопровождалось разрушением старых, языческих, или «переводом» их в служение другой вере. Вырубка священных рощ, почитаемых деревьев, разрушение прежних мольбищ и кладбищ предков вызывали резкую ответную реакцию язычников, за чем, как правило, следовали карательные меры, что только усиливало стрессовое состояние язычников. Противостояние принимало различные формы и длилось не одно столетие. Следы этой конфронтации в этнической памяти и психологии народа не стёрлись до сих пор.

* * *

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1998. Кн. 3. Т. 5-9.
2. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. 3-е изд. СПб., б/г. Кн. 2. Т. 6-10.
3. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985.

Поступила в редакцию 11.05.07

Yu. V. Semenov

Loss of sacral space as a reason of social stress (by the example of the udmurt paganism)

Sacral space of Udmurt people is discussed.

Семёнов Юрий Валерианович

Институт философии и права УрО РАН

Удмуртский филиал по исследованию проблем этнополитики и государственного строительства

426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34

E-mail: yursem@yandex.ru